

Чу Сяннань, закончив жаловаться, произнес:

— Это так внезапно, я даже не успел сообщить нашей домашней поварихе.

Фан Чжи с кислой миной добавил:

— И твоему другу детства.

Чу Сяннань не удержался от легкой улыбки.

— Это только мне кажется, или ты действительно питаешь такую неприязнь к Чан Гэ?

Фан Чжи фыркнул пару раз.

Они продолжили путь, пока ворота Академии Боя не оказались прямо перед ними.

— Тогда завтра, хорошо?

Фан Чжи остановился, преграждая путь Чу Сяннаню.

— Завтра вечером приходи ко мне на ужин, договорились?

Чу Сяннань поднял голову, глядя на юношу, стоящего против света. Заходящее солнце окутало его пушистым золотистым сиянием, и хотя его выражение лица было трудно разглядеть, в его глазах ярко горело ожидание, подобное распустившимся розам на горизонте.

Так ослепительно.

Чу Сяннань улыбнулся, его глаза изогнулись, словно серебряный месяц в глубокой синеве ночного неба, а голос прозвучал мягко и прохладно, как свежий снег на вершине горы.

— Хорошо.

На следующий день.

— Скажите, господин Чу Сяннань, наступила ли ваша весна?

Чу Сяннань бросил раздраженный взгляд на Чан Гэ, который скучал рядом, застегивая изящную белую хрустальную пуговицу на воротнике.

— Сегодня вечером я пойду ужинать к другу, так что тебе и тётушке Цю не нужно ждать меня.

— Друг? Какой друг? Тот, что из академии?

Чан Гэ удивленно воскликнул.

Чу Сяннань рассмеялся, глядя на его ошеломленное выражение.

— Да. Разве не ты сам говорил, что мне нужно заводить больше друзей?

— Да, да, я говорил.

Чан Гэ выглядел растерянным, его слова сбивались.

— Но, но ты должен позволить мне взглянуть на него. Вдруг он... он намеренно к тебе

подобрался, да, вдруг у него есть скрытые намерения?

Чу Сяннань усмехнулся:

— У меня нет ни богатства, ни власти, какие у него могут быть намерения?

Чан Гэ цокнул языком, явно недовольный:

— У тебя есть внешность! Вдруг он хочет воспользоваться тобой? Нет, нет, ты должен позволить мне взглянуть.

Чу Сяннань вздохнул:

— Это просто друг, а не возлюбленный, почему ты так нервничаешь?

Чан Гэ усмехнулся:

— Сейчас я действительно чувствую себя так, будто выдаю дочь замуж.

— Отстань.

Чу Сяннань аккуратно завязал свои черные волосы светлой яшмовой лентой, что придало ему свежести и энергии, которой обычно не было.

Он выпрямился, мигнул миндалевидными глазами и спросил:

— Чан Гэ, как я выгляжу?

Чан Гэ чуть не заплакал: это же настоящая свадьба, правда?

Как только Чу Сяннань вошел в Зал Луцай, его позвал Бай Сицзэ.

— Господин Бай.

Бай Сицзэ улыбнулся с изяществом:

— Ачжи передал мне, чтобы я сказал тебе, что ждет тебя в бамбуковой комнате.

Чу Сяннань кивнул:

— Хорошо, я понял.

Бай Сицзэ, глядя на слегка холодноватого, но прекрасного юношу, тихо вздохнул:

— Как хорошо, у Ачжи наконец-то появился кто-то рядом.

Чу Сяннань вспомнил юношу, стоявшего на фоне заходящего солнца вчера вечером, и не смог сдержать вопрос:

— Фан Чжи... он одинок?

— Ммм, этот вопрос лучше, чтобы он сам тебе рассказал.

Бай Сицзэ улыбнулся, его глаза прищурились от улыбки.

— Когда рассказывают другие, всегда есть искажения.

Фан Чжи, сидя на деревянном стуле, приводил в порядок свои мысли, когда услышал стук в дверь.

— Войдите.

Чу Сяннань вошел.

Глаза Фан Чжи загорелись, он сразу же вскочил со стула и подошел ближе.

— Сяннань, ты завязал все свои волосы, это первый раз, когда я вижу тебя таким!

Чу Сяннань молча оттолкнул лицо, которое пыталось приблизиться к его черным волосам.

— Иногда быть опрятным — это плохо?

— Хорошо, хорошо, я с нетерпением жду вечера.

Фан Чжи усадил его на деревянный стул, а сам сел на другой.

— Тогда начнем допрос?

Чу Сяннань кивнул:

— Я буду сотрудничать.

Первым, кого пригласили, был Тун Цзинфэй.

Он был одет в ту же светло-фиолетовую одежду, что и вчера, и спокойно сел напротив них. Чу Сяннань встал, чтобы принести ему чашку теплого чая. Тун Цзинфэй мягко поблагодарил, держа изумрудную фарфоровую чашку в руках, его пальцы непрерывно терли ее.

Фан Чжи сказал:

— Брат Тун, давайте не будем ходить вокруг да около. Пожалуйста, расскажите подробно о том, что произошло в ту ночь, когда вы с Цзинь Сюанем шли из Павильона Небесного Аромата в Библиотечный павильон Цинъюнь и что случилось внутри.

Тун Цзинфэй поднял чашку и сделал глоток чая.

— Я пригласил Цзинь Сюаня, чтобы попросить за Ачжэня. Вы же знаете о конфликте, который произошел между ними в Павильоне Небесного Аромата. Цзинь Сюань всегда был высокомерен, а его семья обладает большой властью, поэтому он действует, не задумываясь о последствиях. Смерть дяди Чжао год назад была из-за него, и Ачжэнь до сих пор помнит эту ненависть.

Он вдруг осознал, что его слова могут навредить Чжао Чжэню, и поспешил оправдаться:

— Но у Ачжэня никогда не было намерения убивать! Правда, он всегда пытался обратиться за помощью к властям, но, боясь власти и положения семьи Цзинь, ни одна инстанция не взялась за это дело. Но он никогда не думал о том, чтобы убить! Не судите его по его холодному и вспыльчивому внешнему виду, внутри он очень мягкий.

Фан Чхи сказал:

— Хорошо. Продолжайте.

— По пути из Павильона Небесного Аромата в Библиотечный павильон Цинъюнь я все время просил его за Ачжэня, но Цзинь Сюань даже не слушал. Что бы я ни говорил, он хотел только навредить Ачжэню, — глаза Тун Цзинфэя затуманились, — он даже сказал, что обязательно убьет его...

Фан Чхи слегка откинулся на спинку стула и медленно сказал:

— Итак, когда вы дошли до библиотеки, вы убили его.

— Нет!

Тун Цзинфэй вскрикнул.

— Когда я понял, что не смогу его убедить, я вернулся в Павильон Небесного Аромата.

Фан Чхи с недовольством нахмурился:

— Я же сказал, не будем ходить вокруг да около. В ту ночь на вас была одежда светло-желтого цвета, и на подоле виднелись следы крови. Разве я ошибся?

Тун Цзинфэй побледнел:

— Вы... как...

— Следы крови на полу Библиотечного павильона Цинъюнь все еще видны, и книга, которой вы ударили Цзинь Сюаня, тоже найдена.

Фан Чхи устремил на него холодный взгляд.

— Кроме того, вы должны знать. Убийца обязательно находится среди вас троих. Если не вы, то Линь Юн.

— Не Линь Юн, — пальцы правой руки Фан Чхи постукивали по деревянному столу, издавая четкие звуки, — то Чжао Чжэнь.

Дыхание Тун Цзинфэя участилось. Он поднял чашку, чтобы сделать глоток чая, но холодный напиток заставил его вздрогнуть. Он обратился к Чу Сяннаню:

— Не могли бы вы, брат Чу, принести мне теплый чай?

Чу Сяннань ответил:

— Конечно. У вас проблемы с желудком?

Тун Цзинфэй кивнул:

— Да, иногда болит.

Фан Чхи, казалось, что-то вспомнил, и на его лице появилась легкая морщинка.

Тун Цзинфэй, получив от Чу Сяннаня горячий чай, выпил его почти до дна и, подняв голову,

сказал Фан Чхи:

— Я признаюсь, я все расскажу.

Чу Сяннань тут же сел, готовясь записать показания.

Тун Цзинфэй горько усмехнулся:

— Все, что я сказал о событиях до прибытия в Библиотечный павильон Цинъюнь, правда. Я действительно просил его отпустить Ачжэня, и он действительно не хотел уступать. Шел дождь, и я подумал, что зайду в библиотеку, чтобы выиграть время для уговоров.

— Войдя в библиотеку, я продолжил умолять его. Он вдруг изменил тон и сказал, что может отпустить Ачжэня, но только при одном условии. Я обрадовался и спросил, что это за условие. Но, — Тун Цзинфэй выглядел смущенным, его глаза наполнились слезами, — он вдруг прижал меня к книжной полке и начал рвать мой воротник!

Фан Чхи и Чу Сяннань переглянулись, их взгляды выражали понимание. Чу Сяннань, глядя на дрожащие руки Тун Цзинфэя, вздохнул и налил в чашку еще горячего чая.

— Спасибо.

Тун Цзинфэй хрипло поблагодарил, держа чашку в руках. Теплота передавалась через фарфор, успокаивая его тревожные и унижительные чувства.

Он вытер слезы и продолжил:

— Он шепнул мне на ухо, что отпустит Ачжэня, только если я отрекусь от него и подчинюсь ему. Но я люблю Ачжэня, хочу быть с ним. Если бы я действительно остался с Цзинь Сюанем, Ачжэнь бы от этого с ума сошел. Он сильно дернул мой воротник, и я изо всех сил сопротивлялся, наконец высвободив одну руку. В панике я начал шарить вокруг, везде были книги, и я выхватил одну из них, сильно ударив его по голове.

Чу Сяннань быстро записывал, его почерк оставался аккуратным и красивым.

Фан Чхи спросил:

— Он умер?

Тун Цзинфэй глубоко вдохнул:

— Умер.

Чу Сяннань остановил руку, и оба нахмурились.

Фан Чхи снова спросил:

— Ты убил его ударом?

<http://bllate.org/book/16491/1498799>